

**В вихре
времён**

Валерий БОЛЬШАКОВ

ПРЕТОРИАНЕЦ

Кентурия
особого назначения



УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *А. Руденко*

Большаков, Валерий Петрович.

Б79 Преторианец. Кентурия особого назначения / Валерий Большаков. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 480 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-699-96392-8

Сергей Лобанов – сын советского офицера, чье детство прошло на погранзаставе в Памирских горах. Там он нашел верных друзей и вместе с ними постигал тайное боевое искусство.

И когда его побратимы оказываются в беде, он спешит им на помощь. Спасаясь от преследования, они уходят через межвременной портал в 117-й год, в эпоху римского императора Адриана.

Участь попаданцев незавидна – римляне обращают их в рабство и заставляют сражаться на гладиаторской арене, но дружная четверка не согласна прозябать в неволе – они будут бороться за свободу, одерживая победы и неся потери.

Против них целый легион... Кто кого?!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96392-8

© Большаков В.П., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ГЛАВА 1

Бой на высокой тропе

Таджикская ССР, 1988 год

— «Стингер» слева! — закричал командир вертолета. — Твою-то ма-ать!

Семиклассник Сергей Лобанов прилип к иллюминатору. Огненно-дымный шлейф, оранжевый и загогулистый, догонял их «Ми-восьмой», а на земле, в месте пуска, поднимались клубы пыли, сверху походившие на облако. Ведомый вертолет ушел влево, вычерчивая лопастями пунктирный световой круг, и канул за Памирские горы.

— Уходим! Живо!

— Берегись!

Лобанов-старший, полковник и начальник заставы, рявкнул командирским голосом:

— Вверх рви, вверх!

— А я что делаю?! — огрызнулся пилот.

Сбоку просунулся штурман-оператор Федя Манюта, бледный до синевы.

— Это засада! — завопил Манюта, глаза по пять копеек. — Все, вешалка¹ нам!

— Молчать, правак!² — заревел полковник.

Надрывно свиристя, «вертушка» пошла набирать высоту. Поздно!

¹ Вешалка (воен. жарг.) — конец, гибель.

² Правак — штурман-оператор.

«Стингер» угодил в правый двигатель. Гром взрыва ударил по ушам, а вертолет так подбросило, что Сергей вцепился в свой откидной стульчик, боясь вылететь вон. Чудилось ему — прямо над ним проходит железнодорожный состав, грохоча и скрежеща металлом. «Все, — мелькнула паническая мысль, — отгулял я свои каникулы!» Приложив усилие, он оторвался от иллюминатора и глянул за дверь со стеклянным окошком, задернутым зеленой шторкой. Там гудел и качался грузовой отсек. У правого борта жались на жесткой скамье Искандер со смешной фамилией Тиндарид и Гефестай Ярнаев, одноклассники Сергея и наперсники детских забав. Рядом с ними, хватаясь за пульт, сидел дядька Искандера и Гефестая, борттехник Терентий Воронов. Это был немолодой жилистый мужчина с жестковатым загорелым лицом и шапкой густых седеющих волос, одетый в потертый комбез и коричневую кожанку с косыми молниями на карманах.

— Серый, надень. — Лобанов-старший сунул Лобанову-младшему шлем с ларингами и натужно пошутил: — По ТэБэ полагается!

С трудом разлепив пальцы, Сергей натянул шлем «горшок» и сжался, оцепенело глядя на горный склон. Склон, качаясь и кренясь, надвигался титанической клюшкой. Щас как вдарит по «шайбе»...

— Пытаюсь сесть! — проскрипело в наушниках.

«Да куда ж тут садиться?!» — ужаснулся Сергей.

Скат горы от седловины шел полого, а затем резко обрывался, падая почти отвесно до самого дна долины Кала-и-Нур, километра на полтора вниз. Только по самому перегибу кручи белела тропа, расширяясь в одном месте, но и этот пяточок усыпали валуны.

По тропе «в ниточку» брели человек двадцать, ведя в поводу навьюченных лошадей.

— Это банда Рахмона Наккаша! — прокричал Воронов. — Руин¹ прут, заразы...

— Держись! Вырубая движки! А то сторим на хрен!

Гул стих настолько, что стал слышен рев воздуха, рассекаемого лопастями. И непрерывно звенел предупреждающий сигнал — запрдельный, запрещенный режим!

Падая, вертолет за что-то задел, и его развернуло задом наперед. Машина врезалась в валуны, нечеловеческая сила подняла Сергея и выбросила через расколоченный блистер². От пилотской кабины остался только пол, крышу снесло взрывом. Отвалилась хвостовая балка, грузовой отсек вывернуло, как вскрытую консервную банку. Искандер с Гефестаем удержались, а Терентия Воронова швырнуло на исковерканную грузовую створку, и он, в позе распятого, медленно съехал по ней, замирая и обмякая по-неживому. Лицо его залила кровь, она была густо-красной и блестящей.

— Дядька! — заорал Гефестай.

Перепуганного Искандера, сухого, черного, остроносого, украсил свежий шрам на левой щеке. Судорожно всхлипывая, Тиндарид подхватил запястье Воронова и стал щупать пульс.

— Дядь, ты чего?!

Заплакав, Искандер уронил дядину руку, и та упала безжизненной плетью.

Загрохотало, глуша слабые людские голоса, по-

¹ Героин.

² Остекление кабины пилотов.

лыхнули клубы огня. Грузно кувыряясь, ускакала в пропасть пылающая турбина. С шипением и треском рвался боекомплект.

Полковник Лобанов, упакованный в новенький серый горник¹, стоял на четвереньках и ошалело мотал головой. Подняв искореженный пулемет, он с проклятием отбросил горячий ствол.

— Укрыться! — скомандовал Лобанов. — Где Федька?

— Ушел во мраки...²

— Ведомого вызывай!

— Слушаюсь, товарищ полковник, — по уставному ответил пилот и доложил: — Не выйдет, рация вдребезги!

— А, едрить твою... Серый, пригнись и не высывайся. Гефестай, Искандер! Это и вас тоже касается!

Сергей откатился под хлипкую защиту исковерканного борта и переполз к крутобокому валуну. Мыслей не было. Совершенно. Эмоций тоже. Даже древнейшая реакция на опасность — страх — отсутствовала напрочь. В щель между каменными глыбами Сергей разглядел «вооруженных нарушителей границы». Все они были одеты по моде «той» стороны — в короткие, до щиколоток, матерчатые штаны, в длинные незаправленные рубахи-камис. На ногах — высокие ботинки с застежками, а на головах — нуристанские шапочки поколь, похожие на береты, коричневого или табачного цвета. Банда Рахмона Наккаша... Как попевал «за речкой на юге»³

¹ Серый комбинезон с капюшоном для горных условий.

² Уйти во мраки (*жарг.*) — погибнуть.

³ То есть в Афганистане.

урожай опийного мака, так и начиналось — со всего «Золотого полумесяца» перли в Россию наркоту, транзитом до Европы. В Колумбии были наркобароны, Рахмон Наккаш был наркохан...

Пригибаясь, поводя автоматом, по осыпи прокрался совсем молодой еще контрабандист и выпрямился, не углядев в руках «шурави»¹ оружия. Нарушитель был великолепен — одетый во все новое, в дымчатых очках, с переброшенной через плечо плоской сумкой-планшетом. Удлиненное красивое лицо, плечи развернуты, спина прямая. Он крикнул, подзывая своих, и непринужденно спустился к летунам и их пассажирам.

Командир вертолета майор Швыдкой, жгучий брюнет с хрящеватым, горбатым носом, повредил ногу и стоял, прислонясь к искореженной стойке шасси. Рядом топтался растерянный второй пилот, ушастый и светловолосый старлей Бубликов. Лобанов-отец попытался загородить собой Лобанова-сына, но Сергей воспротивился и утвердился рядом с батей, напрягая ноги, чтобы те не дрожали.

— Ну, командор, — неумеренно восхитился накашевец в темных очках, — ну, ты и живуч! Полгода тебя выцеливал, сегодня только попал. Ну, думаю, сбил кафира!² Нет, опять он живой!

— Кончай выеживаться, Мир-Арзал, — оборвал его полковник Лобанов. — Тебе сколько стукнуло? Небось, четвертак еще не разменял? Прикажи своим людям сложить оружие, тогда я смогу гарантировать вам ваши поганенькие жизни!

¹ Шурави — советские.

² Кафир — неверный, немусульманин.

Контрабандисты заготовали.

— Не наглей, командор! — выговорил, отсмеявшись, Мир-Арзал и поугрюмел. — Деньги мы тебе давали? Давали! Почему не берешь? Чтоб не мешал, говорили? Говорили! Почему мешаешь? У Рахмон-джон из-за тебя голова болит. Даврон! Шавкат! — рывкнул он, подзывая подельников.

Вперед вышел Даврон в серо-коричневой шинели, видимо, снятой с мертвого сарбаз¹, в чем уличали запятнанные дырки в полах. Лицо у Даврона было припухшим, с толстыми усами, которые, как у гайдука, спускались ниже подбородка. В руках он с усилием держал «РПК»². Рядом, в засмальцованной «пакистанке», встал Шавкат, нескладный, прыщавый парень с фантастическим носом, со слезящимися глазками под белесыми бровками. Он постоянно фыркал, продувая ноздри, а пальцы его ласково поглаживали курки двух автоматиков «узи».

— Будем лечить головную боль! — глумливо усмехнулся Мир-Арзал. — У Даврона ха-арошие таблетки есть, калибром семь шестьдесят два!

Бандиты хором заготовали.

— Не вибрируй, Серый, — тихо проговорил отец. — Щас наши прилетят...

— Я не... — пискнул Сергей. Вознегодовав на себя, прокашлялся.

Полковник переступил с ноги на ногу, и, когда покачнулся, боком скрываясь за Сергеевой спиной, его рука скользнула под клапан комбеза. Тихонько щелкнул предохранитель табельного «макарова».

— Отставить! — крикнул Мир-Арзал, и Даврон

¹ Сарбаз — солдат афганской армии.

² Ручной пулемет Калашникова.

разочарованно опустил ствол. — Что прижухли? — Мир-Арзал решил продлить удовольствие и выпендривался: — Ну-ка, спойте чего-нибудь, а то так неинтересно. Гряньте «Интернационал»! Просим, просим!

Бандюганы обрадовались неожиданному развлечению, оживились, стали рассаживаться на валунах, на оторванной лопасти, легшей этакой скамейкой между скальных обломков. Тут сзади, от горящего вертолета, донесся стук и скрежет. Сергей дернулся в обороте и увидел Воронова — живого, только без куртки, со слипшимися от крови волосами.

— Я буду запевалой! — сказал борттехник, растягивая губы в кривой ухмылке. Нижняя губа лопнула и набухла красной каплей.

— Дядька! — завизжал Искандер.

Гефестай только лыбился счастливо, шмыгал и подтирал пятерней припухший нос, размазывая копоть по щеке.

— Дядя Терентий! — радостно прошептал Сергей, и тут же его продрало испугом.

Воронов пригнулся, расставив ноги пошире и разведя руки в стороны. И он превращался в кого-то иного, чужого и страшного, будто вурдалак в полнолуние. Все суставы бортача¹ дрожали, ступни и колени выкручивались. Кости смещались, а мускулы вздувались, становясь величиной с голову младенца. А потом дядя Терентий исчез. Вот только что тут был, и нету его! Пропал!

Сережа растерянно повернул голову и уловил размытую тень, как порывом ветра сдувшую пару нарушителей с обрыва. Он с большим трудом удерж-

¹ Бортач — борттехник.

живал Воронова в поле зрения и толком понять не мог, что тот делал такое руками и ногами, — слитное, отточенное движение длилось не дольше, чем вспархивание птицы.

Терентий проявился, замерев на долю секунды, и просто взорвался движениями! Левая рука его работала как щит, то ребром ладони, то всею пятерней отбивая ножи-печачи или приклады автоматов. Гибкая рука так и мелькала, звонко ударяя влево-вправо, вверх-вниз. Контрабандисты толклись, как бараны в отаре, кричали, щерились, утробно хэкали, полосовали лезвиями вокруг себя, тыкали дулами автоматов, но все в воздух, все попусту!

А правая рука Терентия заменяла ему меч или саблю. Вот, увернувшись от удара штык-ножом, он стегнул кончиками пальцев по бочине рослого бандита в куртке-«пакистанке» и распорол ткань! И кожу — до кости! Бандит дернулся, и ребром ладони Воронов, словно топором, рассек мышцы плеча противника. Хлынула кровь, заливая рукав цвета хаки черно-багровыми потеками. Ослабевшие пальцы выронули «АКМ». «Калаш» еще не достиг земли, когда Терентий сделал выпад, складывая пальцы в острие копья, и вонзил руку в грудь контрабандисту, проламывая ребра и обрывая пульс разорванного сердца...

Сергей смотрел на бой, замерев, не дыша и не моргая. Грузный нарушитель границы в сером халате и грязной чалме заслонил Воронова широкой спиной и тут же смялся, скукожился, попав под удар закаленных локтей бортача. Локти бешено заработали, как шатуны безжалостной машины. Они измолотили нарушителя, вымесили его, и тот упал размо-

роженной тушей — легкие проткнуты сломанными ребрами, печень расплющена, перебитый позвоночник похож на коленвал.

— Бей, бей! — кричал Мир-Арзал с безопасной дистанции. — Мочи его!

На Воронова набросились сразу трое, потом кинулись еще двое, и бортач закрутился колесом, выпрастывая то ногу, то руку. Посыпались хрясткие удары. Хватило секунды, чтобы покалечить всех, попавших под «колесо». Парочка нарушителей в бешелатах забралась на здоровенный валун позади Терентия, забралась явно с дурными намерениями — каждый из них сжимал по пистолет-пулемету «ингрэм», излюбленной «железке» террористов. Остановив убийственное фуэте, Воронов с места, не приседая даже, взвился выше своего роста, как лосось в период нереста, и нанес парочке двойной удар, растягивая ноги в поперечном шпагате. Совсем как тот танцор, что отплясывает гопака на сцене Колонного зала. Вот только Воронову никто не аплодировал, а парочка разлетелась в разные стороны, теряя «ингрэмы» и жизни.

— Даврон! — голосил Мир-Арзал, перепрыгивая валун. — Огонь! Огонь!

Куда там... Воронов на какое-то мгновение присел на четвереньки и тут же разжался спущенной пружиной, прыгая, как гигантский кот. В прыжке он обрушился на бритоголового контрабандиста, двинул ему по шее, почти снося голову с плеч, а ударом ноги отправил в полет Даврона. «РПК» достался Швыдкому. Летун, с натугой скалясь, выставил пулемет и пошел садить по нарушителям. Дуло «РПК» цвело розочками огня.

— По врагам рабочего класса!.. — хрипел Швыдкой.

Полковник Лобанов, опустившись на одно колено, палил из «ПМ»¹. Даже Бубликов подобрал оброченный «калашников» и пускал короткие очереди по врагу.

«А я как же?!» — возмутился Сергей. Он оглянулся. В сторонке от него лежало переднее колесо вертолета, блок с НУРСами, блестела лужа расплавленного дюралья. Искандер с Гефестаем тоже высматривали орудия убийства. Сергей посмотрел за спины стрелявших. Там Воронов побивал врага — пяткой проламывал черепа, ребром ладони перешибал шеи... Контрабандисты разлетались, как кегли.

— Сзади! — завопил вдруг Искандер. — Дядя Корней! Сзади! Там еще!

Лобанов-отец и Лобанов-сын обернулись одновременно. По тропе бежали человек десять в «пакистанках», в чалмах и поклоях. Они потрясали АКМами и американскими винтовками «М-16», щерили рты и славили Аллаха.

— Паха! — проревел полковник Лобанов, обращаясь к Швыдкому. — Туда!

Командир сбитого вертолета развернулся, проследил, куда указывал старший по званию, и затрясся, удерживая колотящийся «РПК». Пули швыряли нарушителей наземь, ломали в поясе, пускали кровь струей и вышибали мозги. Крики и стоны заглушили священную формулу «Аллах акбар!», но щелчок бойка прозвучал куда громче. Патроны кончились, огонь утих.

Тогда в военную игру вступил Гефестай. Он на

¹ Пистолет Макарова.

четвереньках подбежал к разбитой кабине вертолета и снял с убитого бандита чалму. Развернул ее, взял в руку, как пращу, вложил увесистый шарик от рассыпавшегося подшипника, покрутил и метнул. Шарик величиной со сливку впеллся в лоб бородачу с автоматом наперевес, и небритая личность вытянулась на тропе.

— Аллах акбар! — разнеслось многократно и покрылось отчетливым треском пулеметных очередей, беспорядочным стрекотом автоматов, протяжными, надсадными криками.

Мир-Арзал юркнул в щель, как в норку. Перепуганно визжа, проскакала раненая лошадь.

Искандер Тиндарид, скалясь, как череп на плакатике «Не влезай, убьет!», подобрал здоровенный нож-боуи и бросился в атаку, орудуя клинком, как мечом. Он увернулся от удара прикладом и полоснул бандита по ноге. Тот взвыл, замахиваясь. Тиндарид проткнул ему руку и отпрыгнул, тут же развернулся и ударил ножом следующего бандита — под мышку. Нарушитель грохнулся навзничь, выпуская автомат из скрюченных пальцев. «АКМ» с двойным рожком, обмотанным синей изолентой, доскакал по щебенке до Сергея, и тот сразу схватил оружие. Наконец-то!

Вскочив, Сергей пробежал пару метров до застреленной лошади, шлепнулся на пузо и выглянул поверх выюка. Пули долбили неустанно, уходили рикошетом, искрясь и обкалывая камень. Одна полоснула по переметной суме — посыпались палочки анаши, полезли брикеты опия-сырца — резко пахнувшей неаппетитной массы, упакованной в пленку, покатались белые мешочки с печатями — арабской вязью, львами, пальмами, соколами и тремя семерка-